

Нина Павлова

«ИДИ КО МНЕ!»

(Современные были)

Нина Павлова

**«ИДИ КО МНЕ!»
(Современные были)**

Москва, 2015

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви*
ИС Р15–509–0441

Павлова Н.А.

П 23 «Иди ко Мне!» (Современные были). — М.: Православное издательство «Апостол веры» (ИП Семенец И.Ю.), 2015. — 432 с.

Боголюбивые читатели! Перед вами третья книга известной православной писательницы Нины Павловой «Иди ко Мне!».

Это современные были о жизни православных людей в наше непростое время. В жизни нет ничего случайного. И если человек предаёт себя Промыслу Божию, он ведёт его по жизни, и не посрамит Господь молитвы уповающих на Него.

Земная слава бывает разная. И ко мне она пришла в такой удручающей форме: после выхода книг «Пасха красная» и «Михайлов день» к моему дому, расположенному возле Оптиной пустыни, вереницей потянулись паломники с просьбой разрешить их духовные проблемы. Одна девушка, например, спросила: что лучше — выйти замуж за Федю или уйти в монастырь? За доверие, конечно, спасибо. Но кто я такая, чтобы благословлять на монашество или замужество?

Рассказала о своих затруднениях батюшке, а он посоветовал запереть калитку на замок и честно рассказать о себе.

Попыткой такого объяснения с читателем было предисловие к книге «Михайлов день». А поскольку другой биографии у меня нет, то отчасти повторю его.

* * *

В университете мы сдавали экзамены по научному атеизму и жили, не зная Христа. Правда, к Церкви я всегда относилась с пиететом, поскольку любила древнерусскую литературу и иконы. Но как можно

веровать в Бога в наш просвещённый век? Это было выше моего понимания.

Помню, на отпевании поэта Александра Тихомирова я познакомилась со священником отцом Константином и вдруг пожаловалась ему на необъяснимую тоску, настаивающую меня в моменты победоносного земного успеха. Тут ликовать бы надо, а я, отчаиваясь, не могла понять: откуда это ощущение лживости и неправды жизни, если я хочу и стараюсь жить честно?

— Не будет у вас ни покоя, ни мира в душе, пока вы не придёте к Богу, — довольно жёстко сказал священник.

«У-у, какой злобный клерикал!» — подумалось в тот миг. А через семь лет этот добрейший отец Константин крестил меня. Привёл же меня к Богу такой случай. Была у меня знакомая семья, а точнее, как бы семья. В общем, двое голубков жили в состоянии «свободной любви», категорически не желали иметь детей и скандалили так часто, что я избегала бывать у них. Когда же годы спустя я навестила их, то поразились переменам — благодатный дом с атмосферой особой нежности в семье, а в доме весёлые красивые дети.

— Ребята, почему вы такие хорошие? — спрашиваю знакомых.

— Мы православные, — признались они с осторожностью, ибо в те годы ещё преследовали за веру.

— А что делают православные?

Расспросив знакомых, я составила для себя список из семи пунктов и озаглавила его «Жизнь православных». Оказывается, эти самые православные утром и вечером читают молитвенное правило, две

кафизмы из Псалтири и Евангелие. А ещё они ходят в церковь, каются на исповеди и причащаются. Особенно подробно я записала про то, как постятся православные, ибо начинался Рождественский пост, и я решила поставить эксперимент — ровно месяц буду жить, как живут православные. А после этого поставлю точку, и всё.

С высокомерием атеистки я каждое утро «экспериментально» ходила в церковь. А через неделю пережила такое потрясение, какому нет объяснения на земном языке. Не в силах дожидаться рассвета, я приходила теперь ночью к затворённым дверям храма и плакала здесь от счастья: Бог есть, Он любит нас! И как чувствуется в ночи дыхание моря, ещё сокрытого от глаз, так я чувствовала Божию любовь.

Вот так — с наивного списка под заглавием «Жизнь православных» — и начинались мои книжки. Я не решилась бы написать их, если бы старцы не настаивали: «Пиши!» Но какой из меня духовный писатель, если святые писали из опыта святости, а у меня лишь богатый опыт искушений?

— А ты пиши всё как есть, — сказал мне схииеримандрит Илий (Ноздрин).

Словом, вот уже четверть века живу в доме возле Оптиной пустыни и записываю те истории из жизни, где искушений у православных, конечно, хватает. И всё-таки мы счастливые люди, потому что хранит нас среди бед и скорбей милость Господа нашего Иисуса Христа и Его неотступная живая любовь.

*Н. Павлова,
член Союза писателей России*

**«ТРИЖДЫ
БЫВАЕТ ДИВЕН
ЧЕЛОВЕК»**

СТЕПАНИДА

Моя сибирская прабабушка Степанида умела лечить людей травами и, говорят, была прозорливой. Во всяком случае, рассказывали такое: везут к ней больного откуда-то издалека. До дома Степаниды ещё ехать и ехать, а она уже слёзно молит Богородицу: «Божья Матерь, смилуйся! Такого тяжёлого больного везут, его же семь седмиц надо выхаживать, а меня опять из дома выгонят!»

Степаниду, действительно, выселяли из избы в баню, когда к ней привозили больных. Кому нужен лазарет в доме? Вот и молила она Богородицу избавить её от этой участи — пусть, мол, больного везут к докторам, а она на лекарку не училась. Денег за лечение она никогда не брала, к докторам относилась с величайшим почтением и, считая себя невеждой, уповала не на свои целебные отвары и мази, а на помощь Пресвятой Богородицы. Молитвенницей была Степанида.

Рассказывали, что секретаря райкома комсомола она вылечила от бесплодия, а прокурора — от

шизофрении. Комсомольский вожак после рождения сына на радостях подарил бабуле домашние тапочки. А прокурор явил величайшую милость: пообещал, что не посадит Степаниду как «религиозную контру», но иконы из дома велел убрать и больных не принимать.

Иконы убрали, а Степанида куда-то исчезла. Говорят, она жила тогда в таёжной охотничьей избушке, а охотница она была знатная. Но и тут нелады: получит Степанида деньги за пушнину и давай учёные книги покупать. «Зачем? — возмущались родные. — Книга тебе есть даст? Пить даст?» Возможно, через Степаниду мне передалась та неуёмная тяга к книгам, когда я влюбилась в своего будущего мужа потому, что он был книгоцеем и библиотека в его доме была богатая.

Степаниду часто обличали: «Ишь, раскомандовалась! Где это видано — столько картошки выбрасывать?» А дело было так. У бабушки Марии, папиной мамы, на одном участке картошка уродилась здоровая, а на другом — поражённая картофельным раком. Эту раковую картошку Степанида велела выбросить. «Рехнулась бабка!» — говорили родные. Словом, ели большую картошку и нахваливали: «Вкусно!» А через несколько лет бабушка Мария умерла от рака. Возможно, это случайное совпадение, но однажды на лекции доктор сказал, что беременным не рекомендуется есть картошку, поражённую картофельным раком. Значит, такая картошка бесполезна.

Совсем не помню лица Степаниды, но помню её руки. Вот она потрошит курицу и извлекает

из куриного желудка ярко-жёлтую морщинистую шкурку. Такие шкурки обычно выбрасывают, а она их сушит и толчёт в порошок. Зачем? Ответ на этот вопрос пришёл десятилетия спустя. У мамы начались проблемы с желудком, и врач-гастроэнтеролог сказал: «Самые дорогие и лучшие лекарства готовят на основе энзимов, а шкурка куриного или бараньего желудка — всем энзимам энзим. Высушите шкурку, измельчите в порошок и давайте по неполной чайной ложечке маме». Маму такой порошок вылечил, и она вдруг рассказала, что к Степаниде перед смертью приезжали врачи из города и переписывали рецепты её отваров и мазей. Особенно хвалили её мазь от радикулита на основе змеиного яда. И тут я вспомнила раздвоенный на конце посох Степаниды. Я панически боюсь змей, а Степанида бесстрашно прижимала этим раздвоенным посохом змею к земле и сцеживала в склянку змеиный яд.

— Лечила она от радикулита так, — рассказывала мама. — Напарит в бане и массирует спину, все косточки переберёт. Потом намажет мазью со змеиным ядом и укутает в тепло до утра. А утром обязательно давала противоядие — отвар из свежей рыбы или ромашковый чай.

Сейчас в аптеках продают мази от радикулита на основе змеиного яда.

И всё же, честно говоря, Степанида была не в чести у родных. Тетрадками с её рецептами и выписками из Библии растапливали печь, и она была как инородное тело среди утративших веру людей.

Умерла Степанида в сто шесть лет. Никогда и ничем не болела, работала до последнего часа и

умерла во сне с улыбкой на устах. Вот уж воистину блаженная кончина! Не зря в народе говорят: «Трижды бывает дивен человек: когда родится, венчается и умирает». А тут смерть — диво дивное.

— Неужели никогда не болела? — спрашиваю родню.

— А когда ей было болеть? В двадцать семь лет осталось вдовой с оравой ребятишек и с большими родителями на руках. А старики и дети часто болели, и тогда Степанида научилась лечить.

Замуж второй раз Степанида не вышла, хотя и сватались к ней. Вдовьего горя никак не выказывала. Тут особый талант — мужество жить. Даже, вспоминают, сказала как-то: «Эх, бабоньки, чего унывать? Если и русские бабы раскиснут, то России конец». Весёлой и работающей была моя прабабушка.

Однажды я рассказала бабушке о блаженной кончине Степаниды, а он велел записывать истории о смерти разных людей. Вот и записываю.

«ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ОТПУСКАЕТЕ ЕЁ?»

Рассказывает монахиня Ангелина из Марфо-Мариинской обители:

— Я была уже монахиней в тайном постриге, но по-прежнему работала медсестрой в неврологическом отделении 57-й больницы. Однажды ночью в моё дежурство к нам привезли умирающую онкологическую больную. Вместо груди — яма,

переполненная зловонным гноем. Нога уже почернела от гангрены, и из неё капал на пол обильный и смрадный гной. Палата сразу же наполнилась зловонием, а к утру во всём отделении стоял такой невыносимый смрад, что врачи стали ругать меня:

— Ты зачем приняла её в наше отделение? Там болезней — букет, в любое отделение клади.

— А что поделаешь, — говорю, — если место было только в нашем отделении?

Конечно, мы принимали меры и, чтобы отбить запах, поставили возле постели тазики с раствором марганцовки и лотки с поваренной солью. Но ничто не помогало. Тело уже разлагалось заживо, и лицо женщины, лежавшей без сознания, было искажено от невыносимых мучений. А муж бегаёт вокруг неё и кричит на всё отделение: «Почему врачи не помогают? Врач обязан помочь!» Это были уже пожилые супруги, а муж так любил жену, что умолял её: «Не умирай! Я не могу без тебя!»

— Почему вы не отпускаете её? — говорю мужу. — Разве вы не видите, как она мучается и хочет уйти к Богу? Там ей будет лучше.

— Как это лучше? — не понял муж.

Человек он был нецерковный. И всё-таки мне удалось найти какие-то слова, и мы договорились так: вечером, когда врачи уйдут из отделения, мы помолимся у постели его жены. Он своими словами, а я по молитвослову.

И вот наступил вечер. Я возлила освящённый елей на раны больной, а муж стоял с горящей свечой у постели жены и говорил тихонько, что если его любимая хочет уйти к Богу, то пусть идёт в этот

лучший мир. Я начала читать Канон на исход души. Но едва я прочла первую песнь, как женщина вздохнула с облегчением и ушла от нас в этот лучший мир.

— Как? Это всё? — удивился муж. — И всё так просто?

— Теперь вы сами видите, — говорю мужу, — как нас любит Господь, если услышал наши молитвы.

Самое поразительное было то, что сразу же исчезло зловоние, и муж почувствовал это. Я тоже почувствовала, но, не доверяя себе, велела санитарам из морга закутать в полиэтилен гноющую ногу, иначе закапаем гноем полы в коридоре, а люди уже и так пострадали от вони.

Везли мы каталку с усопшей до морга довольно долго — сначала в служебном лифте, потом по длинным подземным переходам. Но ни малейшего намёка на дурной запах не было. Было лишь чувство благоговения перед тем таинством, когда наши молитвы слышит Господь.

«ВОССИЯЛ!»

— Скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова родные перевезли из больницы домой, когда стало ясно, что он умирает и медицина бессильна помочь, — рассказывает медсестра монахиня Ангелина. — Ухаживала за ним на дому моя знакомая медсестра Лена. Мы часто созванивались, и однажды я попросила её поцеловать за меня руки великого скульптора, изваявшего для нашей Мар-

фо-Мариинской обители дивный памятник преподобномученице Елизавете Фёдоровне.

Историю его болезни я узнала позже. Вячеславу Михайловичу благополучно удалили раковую опухоль, и он, увлечшись работой, больше не показывался врачам. Последний год его жизни называли «болдинской осенью», и как же вдохновенно, вспоминают, он работал! Он торопился жить, успеть, завершить, а теперь умирал в мучительных страданиях. От обезболивающих средств Вячеслав Михайлович отказался, понимая, что они затуманивают сознание. А для исповеди требуется сосредоточенность, и он трижды исповедовался перед смертью. Между тем страдания нарастали. И однажды архимандрит Тихон (Шевкунов), духовник и друг семьи Клыковых, сказал медсестре, что надо давать больному хотя бы успокоительное, чтобы как-то облегчить страдания.

Словом, на праздник Вознесения Господня, 1 июня 2006 года, Лена позвонила мне и попросила привезти из больницы необходимые лекарства. Еду я с лекарствами к Клыкову и читаю в метро Акафист Божией Матери «Скоропослушнице». Помню, вошла в комнату к Вячеславу Михайловичу, и первое, что бросилось в глаза, — это большая икона «Скоропослушницы», обретенная Клыковым, как рассказали мне позже, сразу после воцерковления. Вячеслав Михайлович был совсем плох.

— Давно его причащали? — спрашиваю.

— Давно.

Я сразу послала Лену за священником в Марфо-Мариинскую обитель, благо, что она находится рядом. И вскоре со Святыми Дарами из обители пришёл наш духовник священник Виктор Богданов. Вячеслав Михайлович лежал с закрытыми глазами и был, казалось, без сознания. Как причащать такого человека?

— Вячеслав Михайлович, — говорю, — здесь Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа. Вы хотите принять Тело и Кровь Христовы?

— Хочу, — твёрдо ответил он.

После Причастия спрашиваю:

— Вячеслав Михайлович, вы укрепились?

— Укрепился, — отвечает.

Позже больного пособоровал священник Дмитрий Рощин. И была долгая тревожная ночь — звонили друзья, звонил архимандрит Тихон (Шевкунов), благословив читать Канон на исход души. Мы прочитали его.

Медсестра Лена ушла отдыхать, а я выпроводила в спальню жену Клыкова Елену Сергеевну: пусть поспит хоть часок, а то измучилась уже. Всю ночь я молилась у постели Клыкова и часто осеяла его Иерусалимским крестом, с которым трижды прошли путь Христа на Голгофу. Вдруг почувствовала — Вячеслав Михайлович уходит, а опыт такого рода у меня есть. Перед кончиной он открыл глаза и посмотрел вдаль с таким просветлённо-счастливым лицом, что у меня здесь есть одно только слово — воссиял. Я бросилась в спальню:

— Елена Сергеевна, Вячеслав Михайлович уходит! Бегите скорей и поцелуйте его!

Жена успела поцеловать мужа и проститься с ним. А он лежал такой просветлённо-счастливый, что все соглашались со мной:

— Воссиял!

Это была кончина праведника.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Один хитрован купил за бесценок полусгоревший дом возле Оптиной пустыни, обшил обугленные брёвна сайдингом и выставил на продажу в Интернете, назначив такую немыслимую цену, что за эти деньги можно купить особняк во Флориде. Тем не менее покупатель нашёлся. Созвонился он с продавцом и приехал в Оптину пустынь с большими деньгами, чтобы сразу же заключить сделку. Внешне дом выглядел нарядно. Но когда приезжий стал обследовать его, простукивая стены, то обнаружил, что за нарядным сайдингом скрываются пустоты с выгоревшими до угольков брёвнами.

— Да я лучше в монастырь деньги отдам, чем платить за обман! — возмутился приезжий.

Он действительно пожертвовал тогда в монастырь привезённые с собою деньги. Помолился в Оптиной пустыни, причастился, а на обратном пути разбился в ДТП.

Позже в Оптину пустынь приезжала его вдова и рассказывала:

— Муж позвонил мне из монастыря и говорит: «Знаешь, посмотрел я на этот горелый дом и вдруг понял: как же тленно всё на земле, а настоящее —

лишь в Царствии Небесном! За деньги не переживай — всю нашу семью в монастыре записали на вечное поминовение. И меня теперь, представляешь, будут поминать вечно...» Видно, было у него какое-то предчувствие, если душа потянулась к вечности.

Вот ещё две истории о предчувствии или о тех поступках, когда душа хочет оставить добрый след на земле.

* * *

Мой сосед дядя Коля — живая иллюстрация к тезису «курение убивает». Выкуривал он две-три пачки в день, потом ноги почернели, и началась гангрена. Сколько операций он перенёс, точно не знаю, но в итоге ноги ампутировали сначала по колено, а потом и по самый пах. Гангрена между тем поднималась выше, а дядя Коля по-прежнему курил, сидя перед домом на самодельной тележке с колёсиками.

— Тебе же хирург категорически запретил курить! — кричала ему жена.

Причём кричала непременно издали, зная привычку своего благоверного швырять в неё различные предметы и распекать при этом:

— Заботишься, да? А кто детей против меня настраивает? И зачем я, дурень, на тебе женился? Ведь ни дня не любил, ни минуточки!

— Думаешь, я тебя любила? — победоносно восклицала жена. — Это родители уговорили: Коля — труженик, золотые руки. А Коля — тьфу, последняя дрянь!

В таких пререканиях они и прожили вместе долгую жизнь, не помышляя о разводе. Это в городе «муж» чаще имя прилагательное, и для мужских работ по дому приглашают сантехника, электрика и прочих мастеров. А деревенское хозяйство без мужика не поднять, тем более что Николай был действительно мастер золотые руки: плотник, каменщик, плиточник. И когда родились дети, Николай срубил замечательную новую баню и пристроил к дому дополнительные комнаты с нарядной и светлой верандой.

Крепкий был хозяин. А жена была хозяйшкой, каких поискать. Готовит — пальчики оближешь, в доме ни пылинки, а огород — загляденье. Особенно удавались ей помидоры, очень вкусные и такие обильные, что с двух-трёх кустов ведро наберёшь. Словом, это была семья — трудовой коллектив, а проще — союзники в битве за достаток. Дети тоже выросли людьми хозяйственными и хорошо зарабатывали, переехав в город. Правда, о родителях они вспоминали только тогда, когда требовались деньги на покупку мебели или новой машины.

— Вот умру, — предрекал Николай, — они дом продадут. И ни одна собака за меня в церкви свечку не поставит!

Почему он так говорил, непонятно: дядя Коля и его жена в церковь не ходили. Николай объяснял это так: «Откуда я знаю, есть загробная жизнь или нет? А если там пустота, то зачем всё?» Зато жена уверяла, что она верующая, просто некогда ей в церковь ходить: огород надо полоть, корову доить, а ещё подскочило давление.

Смерть приближалась, и Николай говорил: «Скорей бы отмучиться, опостылело всё!» Земная жизнь уже не манила его. А вот работать он любил и, не умея жить в праздности, томился без дела. Прохожу как-то мимо, а он буквально вцепился в меня:

— Александровна, дай поработать! У тебя есть хоть какая работа?

Как не быть? В минувшую зиму мы не вылезали из простуд, потому что из-под пола нещадно дуло. И тогда из монастыря нам привезли гипсокартон для теплоизоляции полов. Как настилают гипсокартон, никто из нас не знал. А тут приехал в гости инок Андрей и, обладая не столько умением, сколько решимостью, настелил гипсокартон в большой комнате. Честно говоря, вышло не очень, но мы радовались — не дует. Наш гость уехал, а надо было утеплить полы и в других комнатах.

— Я доделаю работу, я! — затрепетал Николай. — Не имеешь права отказывать!

От стыда хотелось провалиться сквозь землю: да разве можно позволять работать умирающему безногую инвалиду? Но Николай упрямо мчался за мной на своей самодельной тележке.

Ах, как он работал, как красиво работал! Гвозди вбивал с одного удара, а ту работу, над которой мы с решительным иноком пыхтели бы неделю, он закончил в считанные часы.

Николай даже обиделся, когда я предложила ему деньги:

— Думаешь, я ради денег к тебе пришёл? Ты лучше ответь — это правда, что есть загробная жизнь?

— Правда.

— Вот ты в церковь ходишь, свечки ставишь... — смущённо забормотал он и оборвал сам себя. — Прощай, соседка. Не поминай лихом, и прошу тебя — долго живи.

Николай умер в ту же ночь. Отпели его дома, и поминки были богатые. Позже дом действительно продали, но ни жена, ни дети в церковь так и не зашли.

И вдруг вспомнилось, как Николай, стесняясь, говорил про свечки в церкви. Вдруг и за него кто-то поставит свечу? За благодетелей, учит Церковь, надо молиться. И я поминаю на панихидах труженика Николая, затеплив в память о нём свечу.

* * *

Вторая история — про дрова. Опростоволосилась я с дровами. Умные люди покупают дрова с весны, чтобы просохли за лето. А у меня то денег не было, то были в продаже лишь осиновые дрова, а от них мало тепла. Короче, только в середине сентября рычащий самосвал вывалил перед домом семь кубометров отличных берёзовых дров, распиленных на метровки. Но метровое полено в печку не засунешь, а сентябрь выдался холодный. По утрам трава была в инее, шли проливные дожди, и мы мёрзли в сыром нетопленном доме.

Раньше проблем с дровами не было — в деревню часто приходили шабашники с бензопилой и спрашивали по домам, кому напилить дров. Теперь племя шабашников почему-то вымерло, и пилить дрова стало некому.

Наши соседи уже топили и сочувствовали нам. Вдруг прибегает соседка Ирина и говорит:

— У Володи Бокова шабашник дрова пилит. Беги скорей и зови к себе!

Прибегаю, а шабашник уже укладывает свою бензопилу в багажник джипа. Умоляю, обещаю заплатить втридорога и даже кашляю для наглядности, поскольку простужена уже всерьёз.

— Простите, но я не по этой части. Рад бы помочь, да времени нет, — ответил приезжий, но почему-то спросил: — Вам действительно некому помочь?

— Совсем некому.

На следующее утро просыпаюсь от звука бензопилы. Туман такой, что в двух шагах ничего не видно. Иду на звук бензопилы, а там вчерашний шабашник Степан и подсобный рабочий пилят мои дрова. Бензопила у Степана — заморская игрушечка и режет берёзу, как масло нож. Так быстро распиливает, что даже не верится, и рабочий едва успевает подкладывать на козлы очередную метровку.

— Не удержался, купил бензопилу в Швеции за тысячу долларов, — улыбнулся Степан. — Мы там их технологии изучали.

Оказалось, что Степан — предприниматель с маслозавода, входящего в объединение «Козельское молоко». А продукция этой фирмы такова, что москвичи, приезжающие в Оптину помолиться, буквально сметают её с прилавков. Моя московская подруга Марина затоваривается всегда под завязку и говорит так:

— Вы здесь живёте и своего счастья не знаете. У вас есть настоящее сливочное масло и живое, натуральное молоко. А у нас молоко — это порошок с консервантами, разведённый водой. И сливочное масло лишь по названию сливочное, а по сути — маргарин с добавлением очень дешёвых и вредных технических жиров. Бизнес, прибыль, а дети — аллергики! Вот и везу себе и соседям, сколько в силах увезти.

К сожалению, и у нас в городе козельское масло и молоко можно купить лишь до полудня, а ближе к вечеру — шаром покати. Нет, молочной продукции в магазинах полно, но после козельского молока другого не хочется.

— Знали бы вы, каким трудом всё давалось! — рассказывал Степан. — И дело ведь не только в новейших технологиях. Что корова ест, то в молоке и есть. А у нас заливные луга, трава богатая, сочная. Думаете, получится такое молоко, если давать корове комбикорм с химикатами? На Западе, чтобы выжить, приходится химичить. А у нас честное молоко.

Работа была уже закончена, когда перед началом литургии в монастыре ударили в колокола.

— Хорошо у вас в Оптиной, уезжать не хочется, — сказал Степан и вдруг спросил: — А вы каждый день ходите в храм?

— О, если бы! Не всегда получается.

— А я, к сожалению, редко хожу. Хочу ходить чаще, а не получается. Дел такой наворот, что не помнишь себя.

От денег Степан наотрез отказался, попросив, если можно, заплатить рабочему. Но и тот не взял

деньги, сказал добродушно: «Мы ведь бесплатно, чтобы людям помочь».

В густом тумане колоколья была неразличима, и колокола звонили, казалось, уже не на земле, а откуда-то с неба — из вечности. Мы стояли, заслушавшись.

На другой день в машину Степана врезался КамАЗ. За его гробом, рассказывали, шли сотни людей, а на поминках говорили, что такие люди, как Степан, — это совесть России. Работал он много, трудно и честно. Жил скромнее своих рабочих, но щедро благодетельствовал церквям и помогал многодетным семьям.

Мне же навсегда запомнилось то туманное утро, когда накануне смерти крайне занятый человек приехал пилить дрова незнакомым людям, потому что нам некому было помочь. Такое бывает, и я не раз наблюдала: душа что-то чувствует перед смертью и хочет утешить живых. Упокой, Господи, раба Твоего Степана и сотвори ему вечную память!

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ ВЛАДЫКИ СТЕФАНА

Однажды владыка Стефан (Никитин) узнал, что архиепископ Мелхисидек (Паевский) умер в храме на горнем месте во время чтения Апостола. И он возжелал: «Вот мне бы так умереть!» А рассказывала мне о владыке Стефане Елена Владимировна Апушкина, исповедница Христова, приго-

ворённая в 1932 году к трём годам ссылки в Казахстан. В Москве мы жили в соседних домах, и я навещала уже ослепшую Елену Владимировну, чтобы почитать ей что-нибудь вслух. Помню, читала я по-церковнославянски с ошибками, и Елена Владимировна терпеливо поправляла меня, понимая, что я новичок в Церкви и лишь недавно крестилась. А уровень моего невежества в ту пору был таков, что когда Елена Владимировна рассказывала мне про Оптинских старцев, то я наивно полагала: старцы — это старички, очень умные, добрые и любимые дедулечки. Про мудрых дедушек всё было понятно, но что означает загадочное слово «Оптина»?

Будущее было неведомо, и я даже не догадывалась, что однажды куплю дом возле Оптиной пустыни и поселюсь здесь. Но будущее уже отбрасывало свою тень на настоящее, и рассказы Елены Владимировны исподволь вплетали мою жизнь в канву оптинских событий.

Вот рассказ о поездке будущего владыки, а тогда ещё молодого врача Сергея Алексеевича Никитина к преподобному Оптинскому старцу Нектарию († 1928). После окончания мединститута Сергей Алексеевич работал в клинике для умственно отсталых детей, был увлечён исследовательской работой и однажды встал перед выбором: посвятить ли свою жизнь науке или остаться практикующим врачом? С этим вопросом он и ехал к старцу. Поездка была долгой, трудной, опасной. После ареста и разгрома Оптиной в 1923 году старец жил под надзором в селе Холмищи, и ездили к нему

тайно, под покровом ночи, иначе неприятностей было не избежать.

Как и было велено, отец Никон привёз Сергея Алексеевича в Холмищи уже в сумерках. В избе, где жил старец, заканчивали читать вечернее правило, а на отпуст из-за перегородки вышел отец Нектарий. Он уже доживал последние сроки земной жизни и ходил с трудом, шаркая ногами. Сергей Алексеевич был настолько ошеломлён, что даже счёл нелепым задавать старцу свой вопрос. «К кому я пришёл? — подумал он. — Ведь этот скорченный старикашка, должно быть, выжил из ума! Смешно». Будь его воля, он бы тут же ушёл. Но отец Никон уже уговорил старца принять молодого врача, поскольку на рассвете ему надо было уезжать, чтобы к сроку попасть на службу. И началась беседа:

— Молодой человек, — спросил отец Нектарий, — вы читали про потоп?

— Читал, — ответил Сергей Алексеевич.

— Представьте себе, — продолжал старец, — ведь теперь совершенно необоснованно считают, что эпоха, пережитая родом человеческим в предпотопное время, была безотрадно дикой и невежественной. На самом деле культура тогда была весьма высокой. Люди много что умели делать, предельно остроумное по замыслу и благолепное по виду. Только на это рукотворное достояние они тратили все силы тела и души. Все способности своей первобытной молодой ещё природы они сосредоточили в одном лишь направлении — всемерном удовлетворении телесных нужд. Беда их в

том, что они «стали плотью». Вот Господь и решил исправить эту их однобокость. Он через Ноя объявил о потопе, и Ной сто лет звал людей к исправлению, проповедовал покаяние пред лицом гнева Божия, а в доказательство своих слов строил ковчег. И что же вы думаете? Людям того времени, привыкшим к изящной форме своей цивилизации, было очень странно видеть, как выживший из ума старикашка сколачивает в век великолепной культуры какой-то несуразный ящик громадных размеров да ещё проповедует от имени Бога о грядущем потопе. Смешно.

Тут Сергей Алексеевич покраснел от стыда, понимая, что старец прочёл его мысли о «старикашке». От изумления он даже забыл задать свой вопрос и уже не помнил о нём. Впрочем, беседа закончилась мирно:

— Небось, устали с дороги, а я вам про потоп, — сказал батюшка и предложил Сергею Алексеевичу прилечь на диване.

Усталый врач мгновенно уснул, а к концу ночи его разбудили — пора уезжать. Старец благословил Сергея Алексеевича в дорогу и, просияв по-детски чистой улыбкой, ответил на так и не заданный вопрос: «Врач-практик, врач-практик».

Это было больше, чем ответ на вопрос, потому что специальность врача-практика облегчила пребывание владыки в заточении. В 1931 году его арестовали в группе маросеевских прихожан и приговорили к трём годам заключения. Из Бутырской тюрьмы врача Никитина привезли в лагерь на Северном Урале и там назначили лагерным

фельдшером. Теперь доктор проводил медосмотры заключённых и при тяжёлых заболеваниях рекомендовал назначить на лёгкие работы. Сергей Алексеевич старался облегчить участь заключённых, но в первые месяцы, рассказывала Елена Владимировна, ему пришлось нелегко. И здесь к рассказу Елены Владимировны добавлю фрагмент из воспоминаний покойного протоиерея Василия Евдокимова, дважды отбывавшего срок в лагерях:

— Самое тяжёлое в лагере, — рассказывал мне батюшка, — это тоска от одиночества среди неверующих людей. Но как найти единомышленников? Как опознать их, если все обриты наголо и в одинаковых тюремных робах? И Сергей Алексеевич вымолил у Господа дар — распознавать Божьих людей. Был такой случай: в лагерь пригнали новый этап, и в колонне эков был архиепископ Казанский, к сожалению, запомнил его имя. И вот идёт он, оборванный, обритый, оболганный, и вдруг слышит шёпот Сергея Алексеевича: «Благословите, владыко». У владыки даже слёзы из глаз брызнули: «Я думал, что попал в ад, а слышу ангельский голос».

Вскоре, рассказывала Елена Владимировна, врача Сергея Никитина назначили заведующим туберкулёзным отделением в лагерной больнице, и ему дали отдельную комнату. В этой комнате хранились Святые Дары и Евангелие, а по ночам тайно совершались богослужения. Срок трёхлетнего заключения Сергея Алексеевича уже подходил к концу, когда на врача написали донос. Фельдшерница подслушала, как начальник лагеря докладывал

кому-то, что на Никитина заведено новое дело — теперь трёхлетним сроком он не отделается, и дадут ему не меньше десяти лет. Сергей Алексеевич расстроился, а медсестра говорит ему: «Доктор, в наших краях живёт блаженная Матрёнушка. Попросите её помочь, она всем помогает». — «Да, но как из лагеря добраться до блаженной?» — «А вы покличьте её, — посоветовала медсестра, — она и услышит». В тот же день Сергей Алексеевич вышел на берег реки и трижды прокричал: «Матрёнушка, помоги! Я в беде!» А дальше было вот что: начальника лагеря перевели служить в другое место, следственное дело куда-то исчезло, и вскоре доктор вышел на волю.

Сразу после освобождения Сергей Алексеевич поехал к блаженной Матрёнушке. Кто она такая, Елена Владимировна не знала. Но данные из архива ФСБ позволяют утверждать — это блаженная Матрона Анемнясевская, канонизированная в 2000 году Архиерейским Поместным Собором. Вот что рассказывал Сергей Алексеевич о той поездке. Отыскал он указанную ему избу — дверь открыта, а в доме никого. «Проходите, владыко», — услышал он голос из глубины комнаты. Там в коробе лежала женщина-инвалид ростом с семилетнего ребёнка. Из-за болезни и побоев её развитие остановилось в детском возрасте. Присматривать за лежачей больной было некому, и на весь день девочку относили в церковь. Так определилось главное дело её жизни — молитва.

Есть и другая версия этого рассказа. «Проходи, Серёженька, проходи!» — сказала блаженная

Сергею Алексеевичу, сразу же назвав незнакомца по имени. Разночтения понятны, если учесть монашеское устройство великого пастыря, считавшего нескромным сообщать, что блаженная назвала его «владыкой». И это в ту пору, когда до хиротонии во епископа Можайского было ещё долгих двадцать шесть лет.

Здесь следовало бы перечислить, в какие годы и в каких епархиях служил владыка Стефан. Но сама Елена Владимировна мне об этом не рассказывала. Узнавалось всё позже — из книг. Вот почему отсылаю читателя к книгам, и особенно к публикациям Александры Никифоровой, собравшей интереснейшие воспоминания о владыке Стефане. Мне же представляется более существенным рассказать о последней встрече с Еленой Владимировной. Была она уже в преклонных годах, и позже в Оптиной пустыни я узнала: раба Божия Елена скончалась в девяносто восемь лет — 7 февраля 1999 года, в день памяти новомучеников и исповедников Российских. Вот и говорили мы в ту последнюю встречу о таинстве смерти и о кончине владыки Стефана.

* * *

9 апреля 1962 года с владыкой Стефаном случился инсульт, и он по болезни ушёл на покой. И всё же 19 июля 1962 года его назначили временно управляющим Калужской епархией. Это было время хрущёвских гонений, менее кровавых, чем прежние, но не менее жестоких. Закрывали и разрушали храмы и под разными предлогами сокращали

число священнослужителей. Когда владыка Стефан узнал, что настоятель одного калужского храма в угоду властям написал в докладной, что ему не нужен второй священник, он пригрозил запретить его в служении. А вот неслыханный по тем временам факт — за годы хрущёвских гонений было закрыто и разрушено шесть тысяч церквей, а владыка Стефан открывает в Калужской епархии два новых храма. Из разных городов он собирает под своё крыло тех горящих духом священников, что способны ободрить народ в годы уныния от гонений.

Служить ему было трудно. В Калужском кафедральном соборе он обыкновенно служил в нижней церкви, потому что подняться на второй этаж уже не было сил. А Великим постом 1963 года начались такие невыносимые боли в сердце, когда до церкви было уже не дойти. Служил владыка Стефан только на Пасху и на Фоминой неделе. А свою последнюю литургию он отслужил в день памяти жён-мироносиц — 28 апреля 1963 года. Причастился владыка в алтаре и вышел с проповедью на амвон. Он говорил о той великой любви, что преодолевает страх, о том, как жёны-мироносицы бесстрашно шли за Христом во времена лютых гонений. Произнёс он проповедь целиком, не договорил лишь последние два слога. Вдруг покачнулся, умирая, и иподьякон успел подхватить его. Так сбылось заветное желание владыки — умереть в церкви Христовой и близ Христа.

Похоронили владыку Стефана в Подмоскowie — возле алтаря Покровской церкви в селе

Акулово. Среди сопровождавших гроб был зять Елены Владимировны инженер Валериан Кречетов, а ныне — протоиерей и настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Акулово. Когда-то, выйдя замуж за священника Константина Апушкина, матушка Елена молила Господа о даровании ей благочестивого потомства. И разросся её род, «яко древо, насаждённое при исходищих вод». У отца Валериана и матушки Натальи, дочери Елены Владимировны, тридцать четыре внука, а среди их сыновей есть уже священники. Милость Божия на претерпевших гонения и следовавших за Христом в тяжёлые времена.

* * *

С днём памяти владыки Стефана связано одно моё личное событие. 28 апреля я должна была приехать в оптинские края для оформления сделки на покупку дома. Наследников было четверо, жили они в разных городах, а потому сговорились съехаться вместе в точно назначенный день. Надо ехать, а у сына температура сорок. Ладно, думаю, днём оформлю сделку, а к ночи домой вернусь. Где там! Игумен Марк, а в ту пору инженер Миша Бойчук, сразу же разъяснил мне, что он мучается уже полгода с оформлением дома, а справку о приусадебном участке никак не достать. То есть сначала должна приехать комиссия из Калуги, перемерить землю, а потом уже сельсовет выпишет справку. Господи, помилуй! Что же делать? Вдруг вспоминаю: 28 апреля — день памяти Калужского владыки Стефана. Я на Калужской земле, и он — хозяин

здесь. Ничтоже сумняшеся звоню в Акуловский храм и прошу: пусть отец Валериан помолится на могилке владыки Стефана, чтобы он вступился в моё дело. И отец Валериан помолился.

— Не может быть! — воскликнул отец Марк, узнав, что я за полдня оформила сделку.

Всё шло как по маслу, с необыкновенной лёгкостью. «Да ну, — сказали в сельсовете, — эту комиссию из Калуги до морковкина заговенья надо ждать!» И оформили справку по прежним замерам. Служивый народ уже гулял в преддверии праздников, и нас везде приглашали к столу: «Что вы стоите, как неродные? Вот картошка горячая, грибы, огурчики. Посевная скоро, набирайтесь сил». И была радостная весна.

Когда владыку Стефана перевели в Калугу, он обрадовался — рядом Оптина. Он не раз приезжал в разорённую Оптину, где всё порушено, искорёжено, а в храмах ещё стояли трактора. Здесь он молился на могилках Оптинских старцев, плакал и радовался: «Святая земля!» Ему дано было пронести через всю жизнь ту великую любовь к Церкви и её святыням, которую ничто не могло омрачить. А очернителю Церкви хватает. В акафисте иконе Божией Матери «Всех скорбящих Радость» есть такие слова: «Беды от врагов, беды от сродник, беды от лжебратии терпяще». Беды от врагов — это понятно. Беды от сродник — больно, но привычно. А беды от лжебратии — это нож в спину и предательство вместо любви. Тут и сильные, бывает, ломаются. Вот и владыка Стефан пишет в одном письме: «Меня предупреждал епископ, что буду

терпеть от „лжебратии“, которая является главной язвой современного церковного общества». А претерпел он немало. Однажды против владыки взбунтовался хор и забастовал псаломщик, требуя, чтобы службы были коротенькими, но владыка не позволил их сокращать. В другой раз предшественником владыки по храму был сребролюбец, забросивший все церковные дела и взямавший дань с населения за исцеления какими-то «ковриками». А чего стоит история о закрытии Тихвинского женского монастыря в Днепропетровской епархии! О времени служения в этом монастыре владыка говорил «как о золотом яблочке, которое Господь посылает каждому человеку». Это была родная ему монашеская жизнь, где жили по уставу, а не по указаниям невежественной и властной церковной двадцатки. Благодатные были дни. А потом на Днепропетровскую кафедру пришёл епископ Иосаф (Лелюхин) — «волк в овечьей шкуре», как называли его верующие. Он не только не защитил монастырь от гонителей, ломавших и выбрасывавших иконы из храма, но даже весело сказал советским властям: «Давно надо было ликвидировать это кодро».

Как можно любить Церковь с такими лжебратьями? А владыка любил. В Курган-Тюбе, где служил владыка (в ту пору ещё отец Сергей), православных было мало, а однажды в церковь никто не пришёл. Владыка, как всегда, служил благоговейно, а в конце службы произнёс проповедь. «Батюшка, кому вы проповедь-то говорили?» — спросил его мальчик-прислужник. И услышал в

ответ: «Вот когда в храме нет людей, присутствуют Ангелы».

Владыка любил эту Церковь, где служат Ангелы. Разве могут клеветники и лжебратия разрушить то, что создал Христос? Владыка чувствовал благодатную небесную природу Церкви и всю жизнь спешил в храм. Там Глава нашей Церкви Христос. Там Пречистая Богородица со святыми угодниками молят Бога о нас.

Однажды, уже больной, владыка Стефан пошёл в церковь, а келейница тётя Катя пыталась остановить его: «Владыко, вам отлежаться надо. Вы же умрёте!» — «Лучше умереть стоя, чем жить лёжа», — ответил он.

Эти слова владыки я часто вспоминала в ту пору, когда пришла неожиданно долгая болезнь и привела ко мне свою любимую подружку — саможаление. Жалко стало себя. И как мне, немощной, куда-то идти? Мне отлежаться надо! Сто причин, чтобы не ходить в церковь. Но владыка ходил, и я пойду!

УМЕР ОТ ГОЛОДА

К сожалению, я так и не выполнила просьбу Елены Владимировны Апушкиной — записать и подготовить к печати её воспоминания об известном московском дьяконе Михаиле Астрове, служившем в Свято-Духовом храме на Пречистенке. Вскоре после революции храм закрыли и разрушили. Теперь на этом месте станция метро

«Кропоткинская», названная так в честь революционера-анархиста Кропоткина. Осквернили богосборцы Москву, а следом начался голод.

Помню голос Елены Владимировны, ласково называющей дьякона Мишенькой:

— Голод был страшный. А Мишенька все пожертвованные ему продукты отдавал голодающим или нёс передачи в тюрьму.

В ту пору, сразу после крещения, мы с подружкой-неофиткой так ревностно соблюдали посты, что с подозрением относились даже к хлебу: вдруг там есть яйца или, не дай Бог, молоко? Вот почему задаю Елене Владимировне актуальнейший для меня вопрос: постился ли уважаемый дьякон в среду и пятницу, и вообще — соблюдал ли пост? Оказывается, не соблюдал. С разочарованием откладываю блокнот в сторону. Не буду записывать. Знаем мы «подвижников» такого рода, насмотрелись!

— При чём здесь пост? — не понимает меня Елена Владимировна. — Ведь Мишенька голодал. Ел совсем редко, когда угостят добрые люди. Но вот положат ему в гостях на тарелку котлету. Он отрежет от котлеты для себя малую крохотку, остальное завернёт и унесёт с собой: «Простите, — говорит, — там семья с детишками, деткам нечего есть».

Туберкулёз — болезнь голода. И в лагере, их было несколько, дьякон Михаил Астров попал уже больной туберкулёзом в тяжёлой форме. В Темниковском лагере больного дьякона посылали на тяжёлые работы. Осилить дневную норму он от слабости не мог, а потому получал лишь урезанную

пайку, исхудав до состояния дистрофика. А потом был лагерь на Северном Урале, где туберкулёзным отделением лагерной больницы заведовал будущий владыка Стефан, а тогда находившийся в заключении врач Сергей Алексеевич Никитин. Как же он старался помочь больному дьякону! Однажды доктор Никитин выписал отцу Михаилу килограмм сала, а тот отдал сало больным. «Я с таким трудом достал это сало для вас, — рассердился Сергей Алексеевич. — А вам что ни дай, вы всё раздаёте!» — «Простите, Серёжа, — каялся отец Михаил. — Только вы лучше для меня еду не доставайте. Я не могу не раздавать, когда рядом голодают».

— Мишенька был из образованной именитой семьи, дядя — градоначальник Москвы, — рассказывала Елена Владимировна. — А сам он был простой, как ребёнок, и так восторженно любил Христа, что жил, как велел Христос, — по Евангелию.

Умер дьякон Михаил Астров от туберкулёза. А честнее сказать, от голода, потому что он не мог отдавать свою еду голодающим. Так Христос заповедал, и он исполнил заповедь: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя».

А что сказать о нас, строго постящихся, но от избытка «праведности» горделиво осуждающих тех, кто нарушает пост? В общем, оцепеживаем комара и поглощаем верблюда в немилосердном отношении к людям. Стыдно за прошлое, но его не вернёшь и уже не расспросишь Елену Владимировну о дьяконе-исповеднике Михаиле Астрове. Сохранились лишь скудные сведения о нём. Но в мариологе новомучеников и исповедников Рос-

сийских, составленном протопресвитером Михаилом Польским, есть такие примечательные строки: «Дьякон Михаил Астров. Умер от туберкулёза в ссылке в Каракалинске Семипалатинской области в 1936 году. Монахиня Серафима Наумова ухаживала за ним последние полтора года и видела Ангела при его смерти».

ЗЕЛЁНЫЙ МУСОР

Во дворе Захарихи пронзительно кричат: «Караул! Убивают! Убийца!» Спешу на крик, а на встречу — соседка Захарихи.

— Вы не знаете, — спрашиваю, — что происходит?

— А то происходит, что всегда происходит: Захариха с сыном доллары делят.

Победа в этой схватке достаётся, похоже, Захарихе, потому что со двора вдруг пулей вылетает её сын, здоровенный детина с подбитым глазом, а следом выскакивает Захариха с вилами и кричит ему вслед:

— Убью, если хоть пальцем мои доллары тронешь!

Захариха — мастер перевоплощений. Заметив нас, она тут же напускает на себя благочестивый вид и жалуется на несправедливость:

— Разве я для себя эти доллары собираю? После меня всё сыночку и внукам останется. Ради их счастья себя не жалею и последние копеечки для них с пенсии откладываю.

Соседка Захарихи еле сдерживается, чтобы не рассмеяться, потому что «пенсия» у Захарихи известная — она самогонщица. Раньше самогонку в деревне гнали многие, но чаще не на продажу, а для себя. Теперь с самогонованием в наших местах покончено, и всё благодаря Захарихе: она написала в прокуратуру такое грозное письмо с обличением самогонщиков, что в гости к ним нагрянул ОМОН. И акция устрашения дала желанный результат — Захариха стала монополистом на рынке алкоголя. Правда, бывалые выпивохи утверждали, что Захариха подмешивает в самогонку такую химию, что от её зелья «глючит», как от наркотиков, нестерпимо болит печень, а вскоре всё — «аллес капут». Один мой приятель купил однажды самогон у Захарихи, а потом умирал в канаве возле её дома. Слава Богу, что его сразу нашли и вывели в реанимации. Но на пороге смерти он пережил такое, что с тех пор даже пива не пьёт.

И всё же выпивохи — народ не боязливый. Они работали на Захариху практически бесплатно — за тарелку супа в обед и бутылку самогона к ужину. Но мастерство, как говорится, не пропьёшь, и они выстроили во дворе Захарихи дом-гостиницу с современными удобствами. Цены в гостинице были высокие, зато кельи удобные, и богатые паломники охотно селились здесь. Именно эти владельцы валютных счетов объяснили Захарихе, что сбережения надо хранить в долларах, а то рубли при дефолте превращаются в прах. И Захариха стала копить доллары. Сколько скопила, никому неизвестно. Но она радовалась, как дитя, зелёным бумажкам

и чувствовала себя избранницей на празднике жизни. Счастье переполняло её, и во дворе Захарихи теперь часто жарили шашлыки и праздновали, праздновали, праздновали...

Однако снова вернусь в тот день, когда Захариха одержала победу в схватке за доллары. Через час встречаю её в деревенском магазинчике, где она торжественно объявляет:

— Доллары снова так подскочили в цене, что душа моя не нарадуется. Что хочу, то куплю!

А покупает она с размахом: виноград, апельсины, шоколад, шпроты. И при этом командует продавщице:

— Мне дешёвых конфет не надо. Дорогих давай, и побольше. Ещё вот этот ликёр возьму, я сладенькое люблю.

Худенькая паломница из Сибири даже ойкнула, взглянув на ценник:

— М-да, на этот ликёр моей зарплаты не хватит...

— Пусть нищелюбы копейки считают, — засмеялась Захариха. — А душа моя праздника просит, веселиться хочу.

— Вот-вот, — не преминула заметить сибирячка, — в Евангелии один богач тоже расхвастался: ешь, пей, веселись, душа моя, нынче праздник жизни. И знаете, что с ним случилось?

— Что? — любопытствует Захариха.

— Умер.

— Большой был, наверное, — размышляет Захариха. — А у меня здоровье такое, мне доктор сказал, хоть в космос запускай!

Из магазина Захариха домой не дошла и умерла в той же канаве, где умирал когда-то мой приятель. Канавка так густо заросла высоченной крапивой, что обнаружили несчастную женщину нескоро, уже окоченевшую и с трупными пятнами на лице.

А припрятанные Захарихой доллары её наследники так и не нашли. Впрочем, и искать их вскоре стало некому. Внуки пристрастились к наркотикам и скончались от передоза один за другим, а родители после смерти детей переехали в город. За домом теперь присматривала дальняя родственница. Однажды она убиралась в погребе и обнаружила за стеллажами короб с клочками зелёной бумаги, а среди вороха зелёного мусора жила крыса с выводком крысят. Эти бывшие доллары, измельчённые крысами, женщина сожгла во дворе, не подозревая, что сжигает то счастье Захарихи, за которое она билась всю жизнь.

Впрочем, что осуждать других, если мы сами — пленники земной суеты, не желающие помнить о вечном? Даже старея не можем опомниться. И не о нашей ли беспечности мудрый Оптинский старец преподобный Амвросий говорил так: «Вот смерть-то не за горами, а за плечами, а нам хоть кол на голове теши»?

СИРОМАХА

Сиромахи — это бродячие афонские монахи, не имеющие постоянного места пребывания. На праздники они приходят в тот или иной монастырь

и, получив свою толику пропитания, опять отшельничают, спасаясь каким-то особенным и неведомым миру путём.

В Оптиной пустыни была своя сиромаха — почти девяностолетняя монахиня Варсонофия, неутомимо странствовавшая с посохом от монастыря к монастырю. Всё своё имущество — две торбы на перевязи через плечо и одну в руках — сиромаха носила с собой. И было то имущество, что называется, мышинным счастьем: на дне торбы — огрызки хлеба, а остальное — бумаги да поминальные записки, большей частью до того ветхие и дырявые на сгибах, будто их и вправду погрызли мыши. Приходила странница в Оптину пустынь обычно ближе к ночи и стучала посохом в окно: «Пустите ночевать!» Кто-то пускал её в дом, а бывало, и не пускали, зная привычку монахини не спать ночами и молиться на коленях до рассвета. Ладно бы сама не спала, а то ведь начинала среди ночи будить спящих:

— Что спишь, соня? Прими во уме Суд грядущий и встань помолиться!

Будила она, замечу, настойчиво, а потому и ночевала временами где-нибудь в сарайчике, пристроив в изголовье свои драгоценные торбы. Торбами она необычайно дорожила, а вот тёплые вещи, какие давали ей зимой, теряла или бросала где попало.

Мать Варсонофия была девицей, постриженной в монашество ещё в молодости, а почему она странствует, никто не знал. Не от бесприютности, это точно. Рассказывали, что отец наместник из-

вестной обители так возлюбил старенькую монахиню, что выделил ей келью в монастыре. Но мать Варсонофия в ней почти не жила — разве что в лютые морозы, а потом с лёгкостью птицы снова отправлялась в путь.

Раньше она бывала в Оптиной лишь периодами, и только в глубокой старости осела здесь. Годы всё же брали своё — маршруты странствий становились короче, и на службе монахиня теперь сидела. Впрочем, сидела она и не на службе. Как придёт в пять утра в церковь, сядет на лавочке, разложив вокруг себя бумаги из торбы, так и сидит здесь до закрытия храма, перебирая свои записки. В трапезную она не ходила, не интересуясь едой. Угостят её чем-то — она пожует, а то достанет из торбы огрызок хлеба, откусит кусочек и запасливо спрячет хлебушек обратно в суму.

Жила мать Варсонофия по-монашески скрытно и лишь молилась над своими бумагами, пребывая вне мира и не замечая никого. Но в какой-то момент богослужения она убирала бумаги в торбу, шла ставить свечи к иконам — и тогда слоняющимся по церкви говорливым людям лучше было не попадаться ей на глаза. Обличала она за разговоры так — ткнёт говоруна посохом и изречёт:

— Положих устом моим хранило!

Потом тычок посохом доставался следующему, и опять гремел её голос, обличая нечестие:

— Да постыдятся беззаконнующие вотще!

Смиренные в таких случаях смирялись. Благо-разумные отмалчивались из уважения к старости. А вспыльчивые вскипали так, что однажды дежурный

по храму сломал о колени её посох. Правда, потом дежурный покаялся, подарив монахине новый посох, и они сдружились так тесно, что стали уже со- таинниками. Словом, были в Оптиной люди, почитавшие монахиню как особенного Божьего человека. И всё-таки странница настолько не вписывалась в нынешнюю жизнь, что иногда на неё жаловались батюшкам. Пожаловалась однажды и я, увидев, как мать Варсонофия огрела по спине нахального юнца. За дело, конечно. Нахальство юнца выходило уже за те пределы, когда он мог даже в храме оскорбить мать. Проучить нахала хотелось тогда многим, но тут все дружно осудили рукоприкладство. Мы ведь гуманисты, точнее, жертвы того смердящего «гуманизма», когда наших балованных деточек не то что пальцем не тронь, но и слова поперёк не скажи — надерзят. Рассказала я про рукоприкладство своему духовнику и спросила:

— Что делать?

— Терпеть! — ответил батюшка.

А терпеть-то и не пришлось, ибо мать Варсонофия вскоре умерла. Перед смертью она молила каждого, кто приходил к ней проститься, взять себе её торбы, набитые синодиками с именами усопших и записками о упокоении, чтобы после её кончины их продолжали читать.

— Это великая добродетель христианина — поминать усопших! — говорила она умильно и с надеждой заглядывала каждому в глаза.

Но люди стыдливо смотрели в сторону, и взять её торбы не решился никто. Это же десять или пятнадцать килограммов записок о упокоении и

тысячи тысяч имён! Говорят, что эти многотысячные синодики о упокоении мать Варсонофия знала наизусть. Память у неё была феноменальная, а убедилась я в этом так. После смерти мамы я раздавала в храме фрукты и сладости на молитвенную память о ней. Раздала уже всё, когда заметила молившуюся в уголке мать Варсонофию. В сумке обнаружили лишь две помидоринки. Отдала я их монахине с просьбой помянуть мою маму Анастасию, а через пять лет она окликнула меня во дворе монастыря и сказала:

— А твою маму Анастасию помню и поминаю всегда!

Вот так, всего за две помидорки, она пять лет вымаливала мою маму.

А ещё вспоминается история с городским кладбищем Козельска. В годы гонений, когда закрыли монастыри, здесь хоронили оптинских монахов и шамординских сестёр, но где чьи могилы — никто не знал. Архивы за давностью лет не уцелели, а надписи на могилах уничтожило время. И оптинские иеромонахи служили панихиды среди безымянных могил, поминая усопших словами «Господи, Ты веши их имена».

Однажды осенью приехали на кладбище отслужить панихиду. Листопад украсил могилы золотистыми листьями клёнов и намёл на аллее большой ворох листвы. Вдруг этот ворох зашевелился, и из-под листьев показалась тщедушная весёлая монахиня Варсонофия.

— Мать Варсонофия, — удивились все, — ты что, на кладбище ночуешь?

— А меня покойнички любят, — ответила монахиня и тут же повела братию по кладбищу, покаявая, где кто лежит.

Потом иконописцы Оптиной пустыни ещё не раз приезжали на кладбище, восстанавливая по указанию монахини надписи на могилах и слушая её рассказы о дивных подвижниках благочестия, пострадавших в годы гонений. Она их помнила, знала, любила и молилась ночами за них. Спящей её редко кто видел.

— Мать Варсонофия, — допытывались мы, — да как же ты выдерживаешь без сна?

— Покойнички помогают! — радостно отвечала она.

Как помогают, она не уточняла. Но из истории известны примеры, когда павшие воины помогали живым в бою. В 1240 году на Русскую землю внезапно вторглось могучее шведское войско, а у благоверного князя Александра Невского была лишь небольшая дружина, и не было времени собрать ополчение. «Не в силе Бог, а в правде», — сказал князь перед боем своей малочисленной дружине. А на рассвете перед началом битвы дозорный Пелгусий увидел на реке судно, на котором спешали на помощь князю Александру воины уже минувших веков во главе со святыми страстотерпцами Борисом и Глебом. Шведы были разбиты даже на том берегу реки, где не было ни одного русского воина.

А вот совсем недавняя история, рассказанная оптинским паломником военнотружущим Иваном. До армии Иван часто бывал в Оптиной и подружился здесь с будущим новомучеником иноком

Трофимом (Татарниковым), убиенным на Пасху 1993 года. А потом на чеченской войне Иван с несколькими солдатами попал в засаду. Всех солдат расстреляли в упор, а Ивана боевики решили взять живьём, окружив его и подбираясь всё ближе. И тогда Иван сорвал чеку с гранаты, решив взорвать боевиков вместе с собой. Он уже возносил к Богу предсмертные молитвы: «Господи, прими дух мой», когда перед ним предстал новомученик Трофим и сказал, как живой:

— Иди за мной!

Как новомученик вывел его из кольца боевиков, этого Иван не понимает до сих пор. Очнулся он в безопасном месте и уже тут перепугался, увидев, что держит готовую взорваться гранату, и стал, торопясь, обезвреживать её.

Тайна участия усопших в жизни живых сокрыта от нас, но мать Варсонофия знала о ней. Во всяком случае, она советовала инокиням из разорённой обители непременно поминать на панихидах сестёр, умученных в годы гонений:

— Они помогут, ещё как помогут!

А теперь на панихидах в Оптиной поминают монахиню Варсонофию. Смерть странным образом преображает человека в нашем представлении о нём. И юные озорники, которым доставалось, бывало, от монахини за шум и возню в храме, теперь утверждают, что гоняла она их по справедливости, а вообще-то любила их. Наверное, любила.

И всё же усопших она любила больше живых — они ей были роднее и интереснее, потому что ТАМ уже всё НАСТОЯЩЕЕ. На земле душе тесно в суете

те сует, и дают заботы о тленном и преходящем. А там — душа вольная, там — жизнь духовная. Может, потому и странствовала она всю жизнь вне забот о тленном, забывая о житейских нуждах, как забывает взрослый человек о детских игрушках. А вера у монахини Варсонофии была, по сути, простая. Мы же просим на панихидах, поясняя она, чтобы наши усопшие молили Бога о нас. А это не пустые слова. Они действительно молятся о нас, помнят и любят. Всё земное перемелется, останется любовь.

Боюсь что-нибудь преувеличить, но монахиня с таким радостным воодушевлением относилась к усопшим, что после её кончины вспомнились строки, написанные моим другом поэтом Сашей Тихомировым. Умер он рано, а в предчувствии кончины писал:

*Догадался по многим приметам,
Что идём мы на праздник большой:
Станем чистым и радостным светом,
Что у каждого есть за душой.*

Что-то знала мать Варсонофия об этом свете. Похоже, знала.

КАК ЗА ОДНУ НОЧЬ ПОСТРОИЛИ ХРАМ

На Пасху 1993 года, 18 апреля, были убиты трое Оптинских братьев — иеромонах Василий, инок Трофим, инок Ферапонт. В 2005 году по благословению Святейшего Патриарха Алексия II была возведена часовня над их могилами, и люди из разных епархий автобусами едут сюда, чтобы отслужить панихиду у могил убиенных братьев, а помолившись, попросить их о помощи. Многие действительно получают помощь. Сведения о чудотворениях по молитвам Оптинских мучеников сейчас собирают в монастыре, готовя материалы к канонизации. Но некоторые из особо настойчивых паломников приходят ко мне в гости, благо что мой дом расположен у стен монастыря, и просят: «Запишите, пожалуйста». Вот некоторые рассказы моих гостей.

Паломница из Сочи Людмила Лучко попросила записать следующее:

— Моя сестра умирала от почечной недостаточности. То есть мы прошли все мыслимые и немыслимые курсы лечения, сестра подолгу лежала в больнице, подключённая к аппарату «Искусственная почка», пока врачи не вынесли приговор: «Если не сделать срочно пересадку почек, ваша сестра умрёт». Продали мы квартиру наших покойных родителей и обнаружили — денег на операцию в Америке или в Европе нам не хватает. И тогда врачи подсказали нам самый дешёвый